

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Н. О. Лосский.** *Обоснование интуитивизма. Третье переработанное и дополненное издание. Обелискъ. Берлинъ. 1924.* —
Ученые записки, основанные русской учебной коллегией въ Прагѣ. Т. 1, вып. 1. Философскія знанія. Пламя, Прага. 1924.

Съ тѣхъ поръ какъ Кантъ своей философiей закрылъ намъ доступъ въ мiръ непосредственной сущности и сдѣлалъ изъ живого, воспринимающаго впечатлѣнiя бытiя человѣка, изъ «я», трансцендентальное единство аперцепцiи, а изъ окружающаго насъ мiра, изъ не — я — «вещь въ себѣ», философы употребляютъ всё усилiя, чтобы разрушить искусственную стѣну, созданную между субъектомъ и объектомъ. Работа идетъ въ двухъ направленiяхъ. Одни философы стараются вернуть всё права живому человѣку, изъ котораго научная философия сдѣлала какое-то временное пристанище (*lieu de passage* въ терминологiи Бергсона) для разныхъ сверхличныхъ началъ. Но боязнъ впасть въ психологизмъ такъ сильна почти во всѣхъ представителяхъ этого направленiя, что они во что бы то ни стало хотятъ отыскать нѣчто сверхиндивидуальное, которому бы всякая живущая тварь отдала въ жертву свои личныя, неповторимыя переживанiя. Если мы хотимъ, чтобы наше знанiе о мiрѣ, о бытiи, было подлиннымъ знанiемъ, говорятъ представители научной философiи, мы должны безжалостно изъ него выправить всё субъективные элементы въ извѣстномъ смыслѣ «тоже есть субъективная мысль о предметѣ», какъ говоритъ проф. Лосский. Мiръ долженъ быть созерцаемымъ такимъ то «чистымъ, безвольнымъ, безболѣзненнымъ, безвременнымъ субъектомъ познанiя» (Шопенгауеръ). Но какъ быть съ волей, которая врывается и бурно врывается въ мiръ спокойнаго созерцанiя у этого же самаго Шопенгауера? Какъ быть съ множественностью сознанiй, констатируемой новѣйшими изысканiями въ области науки? Оставаясь на кантовской точкѣ зрѣнiя эту множественность сознанiй надо подвести подъ фикцiю одного теоретико-познательнаго субъекта, витающаго въ видѣ какого-то фантома, сверхиндивидуальнаго сознанiя, надъ мiромъ живыхъ людей, какъ то дѣлаетъ проф. Лаппинъ въ своемъ изслѣдованiи «Опроверженiе» солипсизма (Уч. Зап., 13-69).

Пусть живые люди волнуются, страдаютъ, любятъ каждый лю своему, пусть каждый на свой неповторимый ладъ проживаетъ

свою «интимную длительность» (Бергсонъ), въ области философскаго познанія всё должны быть равны, всё должны убить въ себѣ живое чувство, живое отношеніе къ міру и стать гносеологическими субъектами. Главная задача это обезпечить единство познанія и тутъ помѣхой всегда была «этотъ» человѣкъ, который разрушалъ не разъ уже создававшееся стройное зданіе научной философіи во имя своего каприза, своего буйнаго своеволія, своей воли къ жизни. «Этотъ» человѣкъ готовъ быть для истины идти на всевозможныя жертвы, но когда онъ убѣждался, что всё жертвы были напрасны и принесены всего только какимъ то мертвымъ сущностямъ, его негодованію не было мѣры, и онъ, не боясь упрековъ въ психологизмъ, въ субъективности его философскихъ построень, разрушалъ все то созерцательное благополучіе, на которое его осуждала научная философія.

Но это научное благополучіе не только грозило оставить насъ безъ живого человѣка, при одномъ теоретико-познавательномъ субъектѣ съ его категоріями мышленія, оно грозило лишить насъ міра, конкретной дѣятельности, и въ интуитивизмъ, обоснованію котораго посвятить свою философскую дѣятельность проф. Лосскій, мы должны видѣть знаменательную попытку спасти и дѣятельность, и научное познаніе ея хотя бы цѣною возвращенія къ наивному реализму. Интуиція Бергсона выросла на психологической почвѣ, въ атмосферѣ борьбы интимнаго «я» съ интеллектуализмомъ, навязывающимъ въ цѣляхъ практическаго въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова воздѣйствія на вещи, и застыившей формы мышленія, и общія словесныя клеймаришки всему богатому многообразію дѣятельности. Универсалистскій эмпиризмъ или мистическій интуитивизмъ проф. Лосскаго совсѣмъ другого порядка. Вѣчная наличность абсолютнаго нормальнаго сознанія для него не подлежитъ сомнѣнію. Не изъ интимной бергсоновской мелодіи «моего я» онъ исходитъ при построеніи своей теоріи знанія, а изъ сверхиндивидуальнаго сознанія, усиленъ тройной интуиціи проникающаго въ міръ сущности. Чувственной интуиціей, высшее осуществленіе которой проф. Лосскій видитъ въ прочувствованіи художникомъ міра, мы воспринимаемъ конкретную дѣятельность во всемъ богатствѣ ея проявленій; интеллектуальной, умозрительной интуиціей мы путемъ сравненія различныхъ проявленій бытія устанавливаемъ объективную истину о подлинномъ бытіи и получаемъ научное познаніе міра; и, наконецъ, въ сверхчувственномъ опытѣ мы познаемъ сверхміровое начало, Абсолютъ.

Такимъ образомъ, проф. Лосскій беретъ все положительное отъ эмпиризма, рационализма и мистицизма, не впадая въ ихъ преувеличенія, и получаетъ стройную теорію познанія міра, объединеннаго сверхиндивидуальнымъ мировымъ разумомъ, координирующимъ другъ другу всё стороны мировой жизни (Об. инт., 257), т. е. въ сущности возвращается къ мистическому абсолютизму нѣмецкой философіи съ той разницей, что это те-

ченіе научной философіи грозило насъ оставить безъ дѣйствительности, при одномъ «мыслищемъ духъ», между тѣмъ какъ въ универсалистическомъ эмпиризмѣ проф. Лосского характерно стремленіе ни на минуту не потерять дѣйствительности изъ глазъ. Высшій притеріемъ истины является для конкретного идеаль-реализма автора «Обоснованія интуитивизма» наличие дѣйствительности, воспринимаемой и перерабатываемой интуиціей въ ея тріонномъ аспектѣ.

Какъ однако констатировать наличие опредѣленной дѣйствительности и принудительность ея для сознанія, если человеку предоставленъ выборъ при созерцаніи вышележащаго міра? Свобода выбора не отрицаетъ и проф. Лосскій; онъ находитъ только, что эта свобода въ извѣстномъ смыслѣ ограничена предсуществованіемъ опредѣленныхъ элементовъ въ самой дѣйствительности, трансубъективностью содержанія ощущеній, такъ что страдающій, напр., дальтонизмомъ видитъ вишни зелеными въ силу того, что зеленые лучи, какъ и красные, составляютъ одну изъ составныхъ частей бѣлаго луча. Не говоря уже о томъ, что даже такая ограниченная свобода выбора уничтожаетъ возможность единообразнаго объективнаго познанія, мы можемъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ допустить появленіе «дегенеративнаго съ ретроградной и насмѣшливой фізіономіей», который пошлетъ все наше философское созерцательное благополучіе къ чорту и въ силу сверхчужденнаго, не отрицаемаго и проф. Н. Лосскимъ, опыта объявить свой «капризъ», а то и своего дьявола съ рогами и хвостомъ за самую подлинную реальность. Идея о сверхміровомъ Абсолютѣ, не выносящая отрицанія, и утвержденіе, что «мыслить о чемъ то, чего нѣтъ и что не признано за наличное, никоимъ образомъ нельзя» (196), въ этомъ случаѣ слишкомъ слабая гарантія для теоріи знанія. Интуитивизмъ хочетъ насъ возвратити къ давно пройденнымъ этапамъ философской мысли, нападъ къ созерцанію идей Платона. Онъ только старается влить въ старые раціоналистическіе мѣха новое вино опытнаго, выросшаго на почвѣ научной эволюціи знанія, вплоть до послѣдняго слова науки въ области такъ называемаго металогическаго.

Но и въ вопросахъ ирраціональнаго научнаго философія вынуждена идти въ хвостъ науки, «ориентироваться», какъ выражается прив.-доц. Флоровскій въ своей статьѣ «Къ обоснованію логическаго релятивизма» (Учен. Зап., 93-125), на фактъ новѣйшихъ завоеваній въ области высшей математики. Громадное впечатлѣніе произвѣлъ на научную философію тотъ колоссальный сдвигъ, который произошелъ въ этой наукѣ благодаря трудамъ Гаусса, Лобачевского и свободнымъ созданіямъ творческаго математическаго духа въ лицѣ Минковского, Кантора, Дедекинда. Прорывъ изъ эвклидова міра трехъ измѣреній, метагеометрія, которую Лопе еще считалъ «гримасами» науки, перенесла человеческую мысль въ область такихъ фантастическихъ построеній и выводовъ, по сравненію съ которыми философія системы съ

ихъ богатымъ репертуаромъ символовъ—освобождающихъ словъ— кажутся бѣдными родственниками, и научная философія, которой лавры математики—этой «королевской» науки *par excellence*— никогда не давали спать, старается не отстать отъ научнаго духа времени, но вмѣсто того, чтобы заразиться отъ высшей математики свободой непредубѣжденнаго взгляда и изслѣдованія, выходитъ на старую утопанную дорогу логическаго релятивизма. Если Спиноза строить на прочномъ фундаментѣ самоочевидныхъ истинъ эвклидовой геометріи, то теперь эволюція науки даетъ намъ возможность строить на «самоочевидностяхъ по условію», изъ которыхъ все знаніе выводится съ неумолимой логической послѣдовательностью. Можно начать съ произвольныхъ опредѣленій и постулатовъ, съ теоріи ирраціональныхъ чиселъ что-ли, а затѣмъ ужъ дедуктивно развивать теоремы математики. Но если въ математикѣ своя рука владыка и нужна только гениальная фантазія, чтобы извлечь изъ глубины собственнаго духа непосредственно данное — тутъ ни опыта, ни жизни, ни дѣйствительности не нужно, — то въ философіи дѣло будетъ потруднѣе: какъ найти то непосредственно данное, тотъ фундаментъ, на которомъ можно уже дальше свободно или вѣрнѣе несвободно, логически строить? Такъ какъ дѣйствительности мы не можемъ познать и причина всѣхъ противорѣчій, въ которыхъ запутывалась философская мысль, заключалась въ томъ, что «данное» — фикція, аналогичная произвольной аксіомѣ въ математикѣ — принималась за бытіе, то если мы хотимъ мыслить, мы должны, по Флоровскому, принять какіе ниб. формальные постулаты, извѣстный аксіоматическій фондъ. Необходимости опредѣленнаго міропорядка мы не можемъ доказать, не вводя Абсолюта германскихъ идеалистовъ, какъ источника этой необходимости (Уч. Зап., 123). Значитъ, остается признать возможность многихъ міропорядковъ, построенныхъ на фикціяхъ — «самоочевидностяхъ по условію», иначе у насъ не будетъ знанія, не будетъ мышленія.

Если это такъ, зачѣмъ намъ тогда держаться строгихъ законовъ хотя бы и логическаго релятивизма, почему бы въ области философіи не отнаться отъ строгой послѣдовательности выводовъ? У насъ не будетъ тогда научнаго знанія, говорятъ представители теоретико-познавательнаго абсолютизма или релятивизма. Но неужели мыслить значить думать только по законамъ логики, хотя бы и логическаго релятивизма? Не есть ли логическій релятивизмъ такой же видъ скептицизма, какъ и самый твердокаменный абсолютизмъ гуссерлевскаго типа? И тутъ и тамъ рационализирующій умъ замыкается въ безчисленномъ «міропорядкѣ»; въ одномъ случаѣ это «богатый» міръ многообразныхъ логическихъ схемъ, въ другомъ — застывшій міръ опредѣленныхъ сущностей — идей; и тутъ и тамъ разумъ вмѣсто дѣйствительности, вмѣсто вѣчной загадки бытія, познаетъ имъ самимъ заранѣе вложенное содержаніе, «черпаетъ изъ себя».

Знаменателен интерес, проявляемый в рассматриваемых философских трудах к теоретико-познавательным проблемам: раньше чем отважиться в широкое море философского плаванья мы хотим заглянуть надежным компасом, изследовать, как выражается проф. Лосский в своей статье «Темы мировоззрѣній» (Уч. Зап., 69-93), «каковы свойства истины и условия ея возможности».

Конечно, поучительнѣе всего было бы видѣть примѣненіе найденныхъ методовъ исканія философской истины къ онтологическимъ проблемамъ. Тогда выяснилось бы, даютъ ли возможность эти методы пролить свѣтъ на тайны бытія, раздвигаютъ ли они предѣлы философскаго опыта. Но на ни длительное общеніе (самагадеріе) съ дѣйствительностью въ ея внѣшнихъ обнаруженіяхъ, рекомендуемое Бергсономъ, ни непосредственное созерцаніе транссубъективнаго міра въ духѣ универсалистическаго эмпиризма проф. Лосскаго не дали намъ возможности проникнуть въ міръ непосредственной сущности. Если полная истина по прежнему должна получиться въ процессѣ эволюціи научнаго знанія (Об. инт., 276), если въ *au-delà* мы можемъ надѣяться проникнуть только средствами, аналогичными средствамъ позитивнаго знанія (ср. *L'énergie spirituelle* Бергсона, 29), то мы боимся, что метафизическая стѣна, воздвигнутая Кантомъ, должна при такомъ способѣ исканія философской истины остаться навѣки непроходимой преградой для человѣка. Намъ грозитъ опасность остаться при одномъ сверхміровомъ началѣ — *coquant vital* Бергсона или при старомъ «имманентномъ» научномъ знаніи умопостижаемаго міра, хотя бы и возглавляемаго сверхміровымъ Абсолютомъ германской философіи, т. е. въ сущности координующимъ и объединяющимъ «сверхміровымъ» разумомъ философа самого.

Во всякомъ случаѣ въ особенную заслугу надо поставить современной русской философіи стремленіе не только избавиться отъ цѣпей догматизма, но и подвергнуть основательной критикѣ самую критическую философію. Правда, очарованіе созданнаго Кантомъ міра синтезовъ такъ велико, что одни, какъ проф. Лавшинъ, пытаются внесеніемъ извѣстныхъ научныхъ поправокъ спасти разрушающееся отъ собственныхъ внутреннихъ противорѣчій зданіе кантовской философіи, стараются получить содержаніе міра и его синтезы одновременно и изъ множественности сознаній, и изъ единаго надъиндивидуальнаго сознанія координирующаго все духовные центры міра (Уч. Зап., 67). Для другихъ философовъ истинственно созданный Кантомъ міръ къ двухсотлѣтію со дня его рожденія лежитъ весь въ развалинахъ: подъ него подкапываются и ослабленный кенигсбергскимъ мыслителемъ здравый смыслъ, и даже тѣ науки, на «королевскій путь» которыхъ онъ звалъ философію. Формы воспріятія пространства и времени потеряли характеръ прочности и устойчивости, который онѣ носили въ эпоху Канта: человѣчeskій разумъ

двигаетъ въ этой области все новые и новые законы природы. Кому еще дороги дѣятельность нашего разсудка, складывающаго ощущенія по опредѣленнымъ правиламъ, тотъ ищетъ спасенія въ скептически окрашенномъ рационализмѣ пріятіемъ многихъ логически мыслимыхъ міропорядковъ. Проф. Лосекаго «удручающая бѣдность кантовскаго міра» побуждаетъ подвергнуть догматическія предпосылки теоріи знанія Канта блестящей, уничтожающей критикѣ (Об. инт., 97-137) и искать выхода за предѣлы кантовскаго міра въ непосредственномъ созерцаніи дѣйствительности и въ сверхчувственномъ опытѣ.

Г. Ловцкій

Проф. И. И. Лапшинъ. *Философія изобрѣтенія и изобрѣтеніе въ философіи.* Т. I. Пламя. Прага. 1924.

Оригинальный замыселъ автора дать введеніе въ философію въ видѣ психологическаго и философскаго анализа процесса изобрѣтенія въ положительныхъ наукахъ и философіи разбивается не столько о груды набраннаго пестраго матеріала, сколько о прочную установку проф. Лапшина въ духѣ кантовскаго критицизма. А между тѣмъ тема несомнѣнно живая, талантливая и при громадной эрудиціи и начитанности автора мы бы могли получить въ высшей степени интересное философское изслѣдованіе, еслибъ нашъ ученый заранѣе и сознательно не подрѣзалъ крыльевъ всякому творчеству въ философіи.

Накопляя обширныя знанія и ясныя, отчетливыя понятія, мы получаемъ ибнныя большія послышки; комбинаціонная способность творческаго воображенія даетъ намъ возможность обнаруживать находчивость, аристотелевскую «проницательность» въ выборѣ подходящей меньшей послышки; остается сопоставить эти двѣ послышки, и выводъ въ видѣ новаго синтетическаго сужденія а priori самъ собой просится — изобрѣтеніе готово.

Развиваемая авторомъ «логика открытій» не мертвая механическая схема, которой «всякій дуракъ можетъ воспользоваться»: — нужна еще творческая догадка, комбинаціонная способность диспаратныхъ двухъ логическихъ рядовъ и обособленныхъ сферъ явленій. Но такъ какъ эти творческія догадки привходитъ и въ синтетическій силлогизмъ и въ процессъ наведенія, гдѣ мы работаемъ по 1) методу совпаденія («наведеніе отъ бытія одного фактора къ бытію другого»), соответствующему категоріи реальности, 2) методу различія (наведеніе отъ небытія одного фактора къ небытію другого), отрицающемуся на категорію отрицанія и 3) методу остатковъ, содѣйствующему устраненію исключеній, аномалій, то мы съ авторомъ никогда не рискуемъ попасть въ область творческаго fiat. Какъ въ области творческаго возсозданія историкомъ пролога, историческаго «фантазма», проф. Лапшину дорога догадка о логически мыслимомъ «среднемъ человѣкѣ», такъ отъ изъ области философіи безжалостно выбрасываетъ весь опытъ, который не освѣщается ровнымъ повседневнымъ свѣтомъ